

Дмитрий Фурманов

Спасибо (По поводу статей т. Сосновского)

Дмитрий Андреевич Фурманов

Спасибо (По поводу статей т. Сосновского)

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5806914*

Аннотация

«...Простите меня: я пишу без плана и не знаю да же, что напишу. Но я охвачен восторгом и хочу передать свое восторженное состояние – не больше. Разве это не достаточное оправдание? Никогда еще не был я в таком исключительном состоянии, как теперь. Почему? Не знаю, совсем не знаю и, может быть, плохо сумею это передать. Две статьи Сосновского, написанные в последнюю неделю, – одна о футуристах, другая про книжку Рогачевского, – эти две статьи не дают мне покоя...»

**Дмитрий Андреевич
Фурманов
Спасибо
*(По поводу статей
т. Сосновского)***

Простите меня: я пишу без плана и не знаю да же, что напишу. Но я охвачен восторгом и хочу передать свое восторженное состояние – не больше. Разве это не недостаточное оправдание? Никогда еще не был я в таком исключительном состоянии, как теперь. Почему? Не знаю, совсем не знаю и, может быть, плохо сумею это передать. Две статьи Сосновского, написанные в последнюю неделю, – одна о футуристах, другая про книжку Рогачевского, – эти две статьи не дают мне покоя. Как будто и просто и знакомо давно все то, что в них сказано, а почему же так убийственно, неотразимо зацепили они меня? Обе статьи по существу на одну только тему: «Что такое литературная чепуха и где корни настоящего художественного произведения?» Вот тема обеих статей. Мои товарищи, настроенные как-то по-иному, не так, как я, нисколько этими статьями не тронуты, они даже иронически посмеивались и говорили: «Ну куда он к черту лезет? Писал бы себе – пописывал про молочные фермы – там хоть поль-

зу дает человек: обличает, проталкивает, кое-что разъясняет, а тут... тут... балда!» Но этот аргумент, на мой взгляд, и смешон и жалок. Я даже скажу, наоборот, что литературные статьи Сосновского не взволновали бы меня так глубоко, если бы я не знал его прежних статей про молочные фермы. Вы думаете – парадокс? Ничего подобного. Разъясню. Когда человек что-нибудь доказывает, в чем-нибудь вас убеждает или разуверяет – первый вопрос, возникающий у вас в голове, встает примерно таким образом: «А что ты сам-то, дядя, серьезно говоришь? Понимаешь что-нибудь? Фундамент под собой имеешь? В жизни, в сложности ее, – разбираешься или нет? Как ты видишь ее, эту жизнь, только перед носом у себя или чуть подальше?» И если вы не доверяете компетенции собеседника вообще – поверьте, что полной удовлетворенности от ответов его вы не получите. Мне как-то пришлось говорить с профессором, большим знатоком Дальнего Востока. Он знает в Корее, в Маньчжурии, в Японии каждую речонку, каждый что ни на есть мельчайший поселок, его население, чем жители занимаются и т. д. и т. д. В этих местах он прожил не один десяток лет, изучил их тщательно, много ездил – словом, большой знаток своего дела. Недавно Виленский выпустил книжку о Японии и где-то там ошибся, назвав одну и ту же речонку дважды – один раз, кажется, по-японски, другой раз, ее же, по-корейски, предполагая, что это две разные речки. И старик профессор измывался над книжкой Виленского последними словами. Он называл а. втора

верхоглядом, неспособным мальчуганом, заговорившим как взрослый, и проч. и проч. – ценность всей книжки он отрицал только из-за этой ошибки с какой-то там ничтожнейшей речонкой. А вот анализ социально-политический, экономический анализ, постановку и посильное разрешение автором сложнейших международных проблем – это несчастный старик просмотрел. Только это. И я подумал: «Эх, старина-старина, – и стар же ты! Ну куда ты годен для нашего времени со своими корейскими речонками? Нам нужны теперь люди, которые разом и все видят вокруг себя, все и быстро учитывают, во всем разбираются и если что утверждают, то не раньше, как всесторонне охватив вопрос, а не с краю... Мы, старик, можем ошибаться и в названии речки и даже в цифре какой-нибудь, подчас довольно важной, зато мы говорим всегда про целое, про главное, про то, что стоит и впереди и выше, на берегу твоей мутной корейской речонки!»

Старику я этих мыслей своих не сказал: к чему обижать – пусть себе доживает в ученой темноте!

Я сознательно привел этот пример именно с профессором, по-своему большим человеком, знатоком известного круга вопросов. Но что нам толку от этих механических знаний? Нам знания нужны теперь всесторонние, бесспорно верные и знания в основном, в корне дела, а не по части одних корейских речушек. «Ученый что флюс – всегда полнеет односторонне», – сказал еще давно злоязычник Кузьма Прутков. И вот, от разговора с профессором остался у меня

осадок неудовлетворенности, даже стыда за его невежество: это же из-за дров не видеть леса, когда из-за такой пустяковины человек может отрицать значение и пользу целой серьезной работы! Он же, этот самый профессор, рассказывал мне про доклад Павловича в Военной академии на тему о грядущей неизбежной войне и опять смеялся, опять язвил на тему о том, что-де, «большевики всегда чего-нибудь да пугаются, кого-нибудь да пугают». И снова я видел, что старик утонул в своих речушках, а того главного, чем мы живы и чем страдаем, – этого главного он не знает, не видит, не понимает... Ну, скажите, – могу ли после этого серьезно относиться я к тому, что говорил мне этот полумертвый ученейший человек! Да нет. Потому нет, что он девять десятых жизни не видит и не знает, а рассказывает про что-то неизмеримо маленькое, почти никакого удельного веса не имеющее на весах истории, а главного не знает... Groш цена таким уверениям, таким «специальным» знаниям. И когда с этой точки зрения подхожу я к статьям Сосновского – они неотразимо убедительны именно тем, что берут быка за рога, говорят о самом главном, о самом важном. Для этого совсем и не надо быть непременно литератором – пожалуй, даже вредно, мало быть только литератором. Говорить о том, о чем говорит Сосновский, надо именно человеку, который сегодня убедительно пишет вам про молочные фермы, завтра – о новом земельном кодексе, потом о какой-нибудь керзоновской ноте, а то, смотришь, и сам уедет куда-нибудь на

конференцию, ну в Геную, что ли... В этом вся и соль. Читаешь и думаешь: многое знает человек, всем интересуется раз-раз и потому на жизнь выглядывает не через «специальное» окошечко, а прет тебе на самую каланчу и оттуда бьет набат. Это мой первый вывод и есть.

Для каждого рода деятельности, а в том числе и деятельности литературной, необходима широкая, всесторонняя ориентация – лишь в этом случае такая деятельность будет верной, убедительной и полезной. Политика, экономика, искусство – это лишь отдельные виды человеческой деятельности, в совокупности называемые человеческой жизнью, и кто не понимает хотя бы одной из них, тот никогда не может верно изображать и человеческую жизнь. А задача искусства – в чем же ином, как не в изображении жизни человеческой? И потому художник, «посвятивший» себя исключительно отделке стиля, формы, технического мастерства, вообще усовершенствованию элементов чисто формальных, – ну какой же он художник, какой изобразитель совокупной жизни? Ремесленник, такой же специалист, как, положим, сапожник, портной – не больше. Это второй мой вывод. Настоящим, подлинным художником никак нельзя считать того, кто занят в искусстве разработкой элементов исключительно формальных. Отдавая себя на съедение принципам формальной техники и все же продолжая считать себя художником, то есть изобразителем жизни, «творец» вполне естественно законопачивает всю многосложность жизни в свою крошечную

коробочку и серьезно, искренне верит тому, что в этой коробочке у него скрыто настоящее, подлинное сокровище – сама жизнь. А на деле, как только заговорит, он людям подлинной, полной жизни смешон и жалок со своими карликовыми мыслями. Это совсем не случайность, что «формальные» писатели из числа цитированных т. Сосновским оговариваются разными глупостями, вроде «дай руп». Наш Демьян не может, органически не может ляпнуть этакую дребедень. И не потому, что он особенно умен, образован, компетентен в разных вопросах, а потому, что он сросся с жизнью, оттуда черпает свой материал, а не высиживает его над столом, не поражает, а всего только изображает, не гонится за блестящим, но пустым словечком, а только припечатывает этим словом что-то воистину серьезное, нужное и важное. Обмолвившись пустяком один только раз, «писатель» обнаруживает неизбежно для зоркого глаза всю свою основную несостоятельность: он может удивить, он может даже порадовать и заинтересовать, но внутреннюю пустоту его вы будете чувствовать всегда, раз только встретив «дай руп». Здесь мой третий вывод. Даже отдельное художественное произведение всегда с достоверностью отображает степень способности художника понимать или не понимать главное, основное и важное для жизни, а этим самым определяет и ценность всей его художественной деятельности. Но что такое ценность? Для кого ценность и в чем она выражается? Здесь нам мастера «формального» творчества говорят, что они ра-

ботають для искусства, что оценивать результаты их деятельности должна не масса человеческая, а лишь та небольшая группа, которая «доросла» до понимания ценности этого мастерства. Здесь мы подступаем к основному кардинальнейшему вопросу, должно ли быть искусство вообще кому-либо полезно и в этом ли его задача? Не станем забираться в крапивную гущу: прескверное занятие. Скажем так: мыслимо ли целый вид человеческой деятельности, органически ему потребной, забинтовать в младенческие пеленки какой-то крошечной группы «мастеров», скрыть от взоров, от слуха и сердца человеческого – и на том успокоиться? Произведения искусства настолько же органически необходимы каждому, как необходимы ему пища и одежда. Если по темноте своей, по невежеству иной и не может знать художественного наслаждения, так он ведь томится этой своей неспособностью, он ведь наполовину и несчастен, потому что не способен наслаждение это понять, радоваться ему, им волноваться! А раз так – настоящий художник всегда выходить должен на широкую дорогу, а не блуждать по зарослям и тропинкам, не толкаться в скорбном одиночестве. И следует вывод: художник лишь тогда стоит на верном пути, когда он в орбиту своей художественной деятельности включает основные вопросы человеческой жизни, а не замыкается в кругу интересов частных и групповых. Но жизнь – человеческая, да и сам отдельный человек – это река быстротечная. И потому живет он, человек, постоянно обновляющимися, постоянно свежи-

ми, вперед идущими вопросами и интересами. Если ему и нужно и полезно то, что умерло давно, отошло в вечность, то нужно теперь, сегодня – далеко не так, не в том виде, как нужно и полезно оно было вчера. Надо уметь ловить пульс жизни, надо всегда за жизнью поспевать, – коротко сказать, надо быть всегда современным, даже говоря про Венеру Милосскую... Это мой пятый и последний вывод. Мне стало легче, когда сгруппировал я эти мысли, когда хоть мало-мало прояснились передо мной волнующие вопросы. Спасибо, сердечное спасибо Сосновскому за то, что он берет быка за рога. Я не думаю, что от статей наших пропадут или хотя бы побледнеют те направления «художественной» деятельности, которые нам так далеки и так чужды, которые по существу так же органически не способны принять нашу точку зрения, как мы не способны встать и работать с ними заодно. Они доживают вполне естественное – свои дни, вместе с доживающим последние дни старым миром... Наша задача не в том, чтобы их сошвырнуть с пути – они уйдут и сами, – наша задача лишь в том, чтобы ускорить их неизбежную смерть и тем самым очистить дорогу для новых форм творческой художественной работы.

1 июня 1923

Примечания

Спасибо. – Статья написана 1 июня 1923 г. Подписана псевдонимом: «Игорь Кречетов». Представляет собой отклик на две статьи известного в 20-е годы публициста Л. С. Сосновского (1886 —?), напечатанные в газете «Правда»: «Желтая кофта из советского ситца» (1923, № 113, 24 мая) – о журнале «Леф», объединившем вокруг себя главным образом бывших футуристов; «Кто и чему обучает нашу молодежь?» (1923, № 119, 1 июня; опубликована под шапкой «На идеологическом фронте») – о критике В. Львова-Рогащевского и его книге «Новейшая русская литература» (1923), в которой замалчивалось творчество Д. Бедного.

Статья, по-видимому, осталась неопубликованной. Отрывки из нее помещены в сб. «Русские писатели о литературном труде», т. 4, «Сов. писатель», Л. 1956.

Печатается по автографу.